

20

РС  
4-89

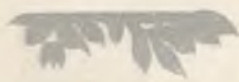
А 842441



БОРИС  
ЧУЛКОВ



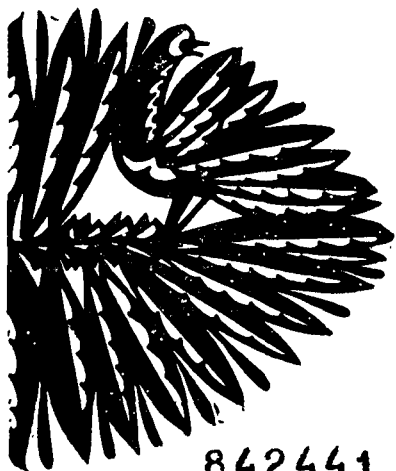
ПРОДОЛЖЕНИЕ  
ЛЕТА



БОРИС ЧУЛКОВ

**ПРОДОЛЖЕНИЕ  
ЛЕТА**

СТИХИ



842441

Северо-Западное книжное издательство

1977

**ВОЛОГОДСКАЯ  
областная библиотека  
им. И. В. Бабушкина**

Ч  $\frac{0742-019}{157(03)-77}$  4-19-77

Книга стихотворений, посвященных природе русского Севера.

© Северо-Западное книжное издательство, 1977.

\* \* \*

Сад теряет листву и находит:  
вновь под ветром трепещет она,  
и деревья в своем хороводе  
вновь зеленая кружит весна.

По команде: прищелкни, присвистни,  
протяни, проворкуй, прощепежь —  
птахи тоже во здравие жизни  
вновь заводят извечную речь.

Потому, если спросят поэта,  
где поэзии истинный дом,—  
он вам сразу ответит на это:  
мол, в лесу иль в саду над прудом.

С нею сил и здоровья прибудет.  
Не ее ли глубинная суть:  
жизнелюбие — что там ни будет,  
возрождение — что там ни будь!

---

\* \* \*

Сегодня, завтра, вновь, опять  
нам за тобой, о юность, гнаться...  
В какой-то миг и догонять.  
Но тут же трезво убеждаться,

что нам тебя не удержать:  
хохочешь, манишь за собою...  
Нет сил бежать... И все ж бежать  
согласны мы ценой люблюю...

И вот — удача! Вот — настиг!  
Волос метнулся вихрь змеистый —  
и всё — твое!  
Но этот миг,  
как всякий миг, минует быстро...

---

\* \* \*

Уже пробуждается местность,  
окрестность яснее видна,  
а свет уже ставит в известность,  
что явится скоро весна.

И я нынче еду полями  
как будто не столь одинок:  
на тройке своей с бубенцами  
навстречу — хороший денек.

С морозом покончено резким,  
и мрак, и метели — в былом:  
завьюженные перелески  
уж грезят желанным теплом.

Пускай еще льдисто и снежно, —  
природа — на том рубеже,  
когда прививает надежду  
и радость приносит душе!

---

## ОЗЕРО

Вкруг по озеру — глянь — деревушки,  
незатейливый быт и уют:  
у окошек, ссутулясь, старушки  
всё коклюшками что-то плетут.

Вот и я у одной квартирую  
и поправить пытаюсь дела,  
чтоб забыть суету городскую,  
чтобы снова душа ожила.

Чуть не в темя долбя: «Отвечай-ка,  
ты зачем тут, чего тебе тут?» —  
остроклювые, резкие чайки  
пуще клада гнездо стерегут.

Так, покой и уют обретая,  
так, без счёту купаясь на дню,  
так, воистину здесь воскресая, —  
нету слов как я это ценю.

Вон, взирая на рощи густые,  
озирая озерную ширь,  
точно памятник вечной России,  
Ферапонтов стоит монастырь.

Как в такие места не влюбиться,  
где природа настолько чиста!  
Живописцы из дальней столицы  
приезжают сюда неспроста.

Так и тянет настроить искусство  
на прозрачность живительных вод...  
Да вживутся и мысли и чувства  
в этот сельский простой обиход!..

Перед всем я себя ощущаю  
в неизбывном и вечном долгу.  
На прощанье озерному краю  
только доброе молвить могу.

Мир — и водам, и лесу густому,  
мир — просторам полей и лугов,  
и тебе, деревенскому дому,—  
благ и мира во веки веков!

---



## ДЕРЕВО

Плохо без деревьев. Дом, по мне, не дом,  
ежели в окошко ветка не стучится  
и, зарю встречая, тут же, за окном,  
не поет, ликуя, маленькая птица.

Верой наделяя, высветляя быт,  
срок отодвигая неизбежной тризны,  
всем потоком листьев жизнь оно струит  
и само струится вечным гимном жизни.

---

\* \* \*

Мне и впрямь уготовано диво,  
мною не виданное до поры:  
этот храм, подступивший к обрыву,  
эти сосны по краю горы.

Мне и празднично здесь, мне и лестно,  
мне воистину здесь благодать —  
озирать вместе с ними окрестность,  
вместе с ними на дали взирать.

Эти дали — над синей рекою,  
отразившей в себе облака;  
необъятны владенья покоя,  
тишина — как обрыв — глубока...

После города — сердцу отрада.  
Как бы здесь да почаще бывать,  
чтоб лицо оевала прохлада,  
чтобы в душу лилась благодать...

---

## СТАРЫЕ ДОМА

Дома с верандами, балконами  
и мезонинами, — увы,  
как не назвать вас обреченными,  
коль ваши судьбы таковы.

Былого статуи, изваяны  
умельца-прадеда рукой,  
вы заполняли все окраины,  
где столько лет царил покой.

Но где окраины-то прежние?  
О, пережиток бытия! —  
уж их теснят, теснят безбрежные  
кварталы нового жилья.

Ах, город, город разрастается,  
и по причине таковой  
трещит по швам и расползается  
одежда старая его.

Дома! Хоть сменят вас, наверное,  
бетон, стекло, пластмасса, сталь,  
с тоской, немного суеверною,  
я ощущаю: мне вас жаль,

Мне жаль, мне жаль все то интимное,  
что облик ваш в себе таит,  
простое то, гостеприимное,  
хоть старомодное на вид.

Здесь жили, жили поколения,  
цвела под окнами сирень,  
бывали смерти и рождения,  
печаль и радость, свет и тень...

Как сочетать большое с малостью?  
Увы, я знаю, что нельзя.  
И не должно быть места жалости:  
у века — лишь одна стезя.

Дома с верандами, балконами!  
Пускай года пройти должны,  
как не назвать вас обреченными,  
коль вы уже обречены!

Но пусть, но пусть судеб веление  
исполнится через года,—  
да будет же благословение  
людское с вами навсегда!

---

\* \* \*

Вот здесь архитектура — в три окна,  
другой фасад — глядит во все четыре.  
Такой на гостя смотрит старина,  
почившая в спокойствии и мире.

С крыльцом простым, а может, и резным,  
с листвою у незатейливых пристроек,  
с замедленным, почти не городским  
укладом, заглядевшимся в былое,—

такими предки строили дома  
с завидной прямою единоверцев,  
и облик их, простой, как жизнь сама,  
из сердца вышел и внедрился в сердце.

И великан, идущий их сменить,  
со всем своим изысканным комфортом  
не всякому сумеет заменить  
вчера еще живых, а завтра — мертвых,

где пели половицы под ногой,  
где дождь, как домовый, по крыше топал,  
где сизый дым взвивался над трубой  
и поутру в стекло стучался тополь...

## НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Густая сеть дождя ночного,  
стена — гудящая — с небес,  
вновь воздвигаемая, снова  
обрушенная; из чудес  
земных с другими чудесами  
сравнимое едва ли; нет  
и слов таких, чтоб словесами  
воспеть его; природа, свет  
стихийней чувство вряд ли знают,  
чем то, что, душу бередя,  
в груди проснувшейся рождает  
лавина майского дождя!

---

## ГРИБНОЙ ГОД

Немало нынче было ягод,  
а что касается грибов —  
так запасай их, парень, на год —  
лишь бы хватало погребов.

Но, все луга у мелких речек  
своим прибежищем избрав,  
напоминал тебе кузнечик,  
что не долга пора забав.

(Уподоблялся он с рассвета  
астрономическим часам,  
что ходят — правда — только летом...  
Ты, впрочем, знаешь это сам).

Придет, придет пора другая,  
пора печальная придет  
и, гриб остатний предлагая,  
итог сезону подведет.

Остынет осень и увянет,  
и станет инеем роса,  
и удивлен никто не станет,  
что уж «зима катит в глаза».

И счастлив ты, что ни минуты,  
еще гуляя по росе,  
подобен не был пресловутой,  
пропевшей лето стрекозе.

Тебе запасов лета хватит —  
они, считай, в крови твоей;  
и кто собрал их — не растратит  
до самых светлых вешних дней...

---



\* \* \*

Ничего не умеют деревья —  
лишь умеют стоять да расти;  
только это извечно, издревле  
им и свойственно, как ни крути.

Зародясь (если верить науке)  
много тысяч столетий назад,  
как и пращурь их, так и внуки,  
ничего-то не зная, стоят.

И не знают, что кто-то и где-то  
пусть и много дерев вырубал,  
только всех их — поклонников света —  
светлой жизни земной не лишал.

Ничего и про новый не знают  
занесенный над миром топор,  
что уж дров — будь здоров! — наломает,  
дай лишь волю ему да простор.

О, топор этот страшен во гневе!  
Тут чего только может ни быть:  
всю-то жизнь, в том числе и деревья,  
он, похоже, способен срубить.

Но пока этот, созданный ими ж,  
люди в силах топор отвести —  
пробывать и деревьям живыми,  
ничего-то не зная, расти!

---

## БАБЬЕ ЛЕТО

Пока не слышно бурь  
и дремлет ветер резкий,  
последняя лазурь  
ласкает перелески.

Пока румяна рань,  
день золот, ночь согрета,  
в притихших весах, глянь,  
гуляет бабье лето.

И осень — уж не в страх,  
не яд слезы соленой,—  
день яблоком пропах,  
грибами и соломой.

Дыши же нынче им,  
и впрямь остатком лета  
прозрачно-золотым.  
И ни на что не сетуй.

Вдыхай по то число,  
где сгинет эта малость...  
...Покуда не ушло,  
пока не распрощалось...

---

\* \* \*

Начинался сентябрь. От него  
я не слышал ни вздохов, ни жалоб  
и не видел вокруг ничего,  
что об осени напоминало б.

И стоял на горе монастырь,  
и сияло дневное светило,  
и окрестность во всю свою ширь  
в величавом покое почила.

И манил вещим шелестом лес,  
и зывали озерные воды,  
чтобы я растворился, исчез,  
стал бы частью великой природы.

Но возможно ли? В суетный век  
так ли мы уж близки к ней душою,  
как далеких времен человек,  
с нею спаянный жизнью одною?

А вот он, — кто решился возвесть  
эти храмы, прямой и упрямый, —  
не природе ль оказывал честь  
и не ей ли воздвиг эти храмы?..

---

\* \* \*

В начале сентября листва  
уже шумна, уже тревожна,  
хоть осень входит осторожно,  
хотя идет едва-едва.

Еще дерев опрятен вид,  
но этот листве горький лепет,  
но этот ропот их и трепет —  
во всем предчувствие сквозит.

Как будто чужа наготу,  
беду, обиду, — все деревья,  
стремясь к отлету и кочевью,  
бескрыло рвутся в высоту.

Но только гнутся деревья,  
коль их природа такова,  
и о беде шумит листва,  
шумит в лесах, садах и в рощах...

— Деревья, осень лишь едва,  
едва вошла в свои права...

— О, это нам не трин-трава!  
Вот потому-то мы и ропщем.

---

\* \* \*

Есть в осени первоначальной...  
*Ф. И. Тютчев*

Есть что-то от далекого былого  
в осеннем запустении полей.  
Туманный сон округе снится снова,  
и древний храм ей словно бы родней.

Листок, слетая в пруд с озябшей ветки,  
рождает в нем беззвучные круги.  
Мерещится: ковром из листьев ветхих  
былинных предков скрадены шаги.

Природа — как и встарь, во время оно —  
опять свершает таинство свое.  
Таинственные, вечные законы,  
как древле, правят жизнь ее.

Спокойным увяданием объятый,  
мир своего не помнит бытия...  
Двадцатый век?.. Шестнадцатый?.. Десятый?..  
Иль грезит наяву душа моя?

\* \* \*

Опять идет Россией осень,  
меланхолична и легка,  
и буйный ветер не разносит  
туманы, тучи, облака.

Листвой осыпаны опушки,  
с берез летящей и осин.  
Таковыми их видали Пушкин,  
старик Державин, Карамзин.

Над нами те же чувства в силе,  
и не погас огонь души:  
вон птицы перья обронили —  
бери любое и — пиши.

---

## К ПОРТРЕТУ

Так, Батюшков, и ты, великий мастерище  
российского стиха, — как время там ни свищет, —  
до наших дожил дней — и слово не мертво,  
хоть бездну лет назад шептал ты нам его,  
колдуя над строкой перед свечой убогой...  
Неторной в мыслях ты весь век шагал дорогой,  
и то сказать, Поэт всегда пойдет по ней,  
уверен, что дойдет до отдаленных дней,  
притом же и других чему-нибудь научит...  
Какие б над судьбой ни собирались тучи,  
как мастер должен он и смену воспитать:  
курчавый отрок есть — учителю под стать.  
(Кто знал тогда, каким тот вырастет гигантом  
и всех учителей затмит своим талантом!)  
Но это разговор особый. А пока  
учитель пред свечой. И верная рука  
наедине с пером. И губы шепчут слово —  
крылато и свежо, умело и толково!

---



## МИХАЙЛОВСКОЕ. 1826.

Сюда входил к нему Языков,  
влюбленный в здешние места  
и посреди заздравных кликов  
твердивший: «Боже, красота!»

И няня им подать закуски  
спешила, мило суетясь;  
и рядом с ней сидел (по-русски!)  
поэтов русских царь и князь.

Прохлада Сороти студеной  
их взбадривала поутру,  
и кстати был навес зеленый,  
и всё к добру, и всё к добру!

— Ты, Александр Сергеич, радость  
нашел в наследственных полях!  
— Ты, Николай Михайлыч, сладость  
вкусишь на этих берегах!

...На скакунов воссед, являлись  
они в Тригорское потом;  
их прыти бурно удивлялись  
в гостеприимном доме том.

Благословенно это лето,  
когда поэта ждал поэт,  
когда поэт пришел к поэту  
и на пиру тепла и света  
был ими этот край воспет!

И «равнодушная природа»  
навек запомнит их союз:  
тот год и даже время года,  
когда минула их невзгода,  
когда манила их свобода, —  
сей праздник разума и муз...

Но хоть полны порою чаши,  
а взгляд у Пушкина далек:  
— А все же вспомним братьев наших,  
кого настиг жестокий рок!..

Да, было много, много было,  
душа от этого изныла  
и не забудет, не простит...

. . . . .

Но в них бунтует жизни сила,  
но жизнь идет и жить велит!

И вновь кипит бокал заздравный,  
наполнен жженкой достославной,  
которой дом и знаменит:  
ее — млада и своенравна —  
одна из граций им варит...

— Ты, Александр Сергеич, радость  
нашел в наследственных полях!  
— Ты, Николай Михайлыч, сладость  
вкусишь на этих берегах!

\* \* \*

Плыла над Михайловским осень,  
но светлую осень была.  
Величие солнечных сосен  
пронзало, как будто стрела,

Спустившись к воде, увлекая,  
вдоль озера путь поспешал,  
и шел я, заботы не зная,  
и полною грудью дышал.

И сердце размеренно билось,  
лазурь и покой полюбя,  
и, так же как воды, светилось  
и свет поглощало в себя.

И мысль промелькнула неожиданно,  
что тем же иду я путем,  
которым не раз, постоянно  
Он хаживал в веке своем.

Лазурь, и покой, и прохлада,  
и легкого ветра полет.  
И нет никого. И не надо...  
Не Он ли навстречу идет?

Душа заметалась, как птица,  
не веря и веря глазам...  
(Ужели нельзя совершиться  
хоть раз на земле чудесам?)

Похоже? Похоже. Похоже!  
И плащ — не Его ли — вразлет?  
...Куда там! Случайный прохожий  
по берегу прытко идет.

Но чаянья, думы такие—  
ужель ни с того ни с сего?  
Нет, видно, в родимой стихии  
все полнится духом Его.

Здесь так его, видимо, много:  
навек проникнуты им  
и нивы, и бор, и дорога,  
и дом над простором речным.

Поверил я в эту идею!  
И все мне казалось, клянусь,  
что на повороте аллеи  
я с Ним непременно столкнусь...

Величие солнечных сосен  
пронзало, как будто стрела,  
Плыла над Михайловским осень.  
Но светлою осень была.

---

## РОДНОЙ ЯЗЫК

Не знаю, как справляться с языком!  
Язык — сложнее всех нас, вместе взятых...  
Уж, кажется, я в нем без провожатых  
ходил, знакомый с каждым уголком.

Уж, кажется, настолько с ним знаком —  
входил в его лачуги и палаты;  
ан смотришь вдруг: пустырь какой-то... хаты...  
И станешь в пень при случае таком.

Глядишь: и не ступала в этом месте  
не то что ли нога — и мысль моя...  
Язык и приобщает нас, по чести,

к невиданным просторам бытия.  
Его неиссякаема струя.

Язык — сильнее всех нас, взятых вместе!

---

## ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

А кто знал его тогда,  
когда судьба — слепая сила —  
к нему не столь благоволила  
и с ним дружна была нужда?

Да, он жилав еще и так:  
почти без денег, без жилища,  
подчас питаюсь скудной пищей —  
и впроголодь, и кое-как.

Тогда он в Вологду попал —  
серьезно, видимо, впервые,  
и вышло так, что не другие —  
я кров ему в то время дал.

Ну вот он с нами и делил  
тепло и холод в доме нашем,  
и хлеб, и праздничную чашу  
(чем бог нас, в общем, наградил).

И он — скажу — не унывал,  
и, кажется, ему писалось,  
хоть это лишь его касалось  
(отчета в том он не давал).

Чем мог — он тоже нам помог:  
глядишь, дрова иной раз носит,  
в обед, бывало, лепту вносит  
иль сам — с покупкой на порог.

Меж тем тот самый первый год  
стал для него началом славы,  
которую ему по праву  
с тех пор наш город воздает.

Так он всю зиму зимовал  
(а та—ой-ой! — была шальною),  
но чуть повеяло весной —  
он попрощался и — умчал.

Надолго, думаю, ему  
связала редкостная память  
снег, поморозню, стужу, замять  
с дорогой к дому моему...

О чем тогда — и сколько раз —  
не толковали мы на пару!..  
Чего бы не дал я сейчас,  
чтоб не дошло до мемуаров!

---

\* \* \*

Вновь лазурь залила оком  
над безбрежным, немислимым маем,  
но опять поминальным вином —  
поминаем.

Наш товарищ, ушедший вперед  
в жизни, в творчестве, в смерти,  
в бессмертии, —  
нас оттуда к себе не зовет.  
Уж поверьте.

И его мы не в силах позвать.  
Так стоим на невидимой грани.  
Скоро станут, глядишь, увядать  
и герани.

Увядая — снесут через грань  
ну хоть отсвет зеленого мая?  
(Или наши цветы — не герань?  
Я не знаю).

Впрочем, важно не это, а то,  
что, быть может, хоть отзвук привета  
донесут, несмотря ни на что,  
до поэта.



И однако — все это темно!  
Может, это навеяно маем?..  
Спи, товарищ! В стакане — вино.  
Поминаем.

---

\* \* \*

Пристально просматривая время—  
ленту, что в сознании крутит память,—  
мы порой общаемся и с теми,  
кто давным-давно уже не с нами.

Но одних мы только вспоминаем,  
их всего лишь старшими считая,  
по другим — и шаг и жизнь сверяем,  
и отцов-то так не почитая.

Потому поистине над теми,  
что навек нам стали образцами,  
и не властно никакое время,  
ибо вечно жить им между нами:

---

\* \* \*

Устарела, конечно же, рифма—  
и пора ей уже уходить.  
Но поэзии свет лебединый  
никому никогда не затмить.

И не слову остаться, так звуку,  
ибо звук — это повесть о том,  
что в душе или радость иль мука  
лебединым взмахнули крылом.

---

\* \* \*

И пасторали постарели,  
и менуэты миновали,  
и взмах шальной цыганской шали  
мы не видали. Не успели.

Но что же нам — завять с тоски?  
Свое искусство сеет Время.  
И каждый миг дает ростки  
стремительное это семя.

---

## ЖАН МАРЭ

Хорошо тебе, Жан! Д'Артаньяном обряжен,  
был кумиром мужей, был ты идолом жен;  
не навечно и ты силой жизни заряжен,  
но пребудешь ты в памяти их пощажен.

Да и можно ль тебе не завидовать, Жану?  
Ты, спартанец, не зря свое тело крепил.  
И не только твоим землякам-парижанам  
ты по вкусу пришелся — ты мир покоришь.

По нутру, по натуре любому народу  
крепыши, сорви-головы и удалцы:  
стать и лихость ни в жисть не повыйдут из моды,  
силу чтут и мужи и юнцы...

Жан Марэ, ты выходишь в тираж понемногу —  
время, брат, не щадит и самих парижан  
и уводит тебя на такую дорогу,  
от которой никто не отвертится, Жан.

Но за честь и отвагу, за риск и победу  
золотой — не иной! — стоит кубок поднять,  
и какие б судьба ни подбросила беды —  
их душой презирать и ногой попирать!

\* \* \*

Темы в воздухе носятся,  
знай их только лови;  
под перо они просятся:  
«Оживи! Оживи!»

Да живящего времени  
не хватает никак:  
всё дела — тяжким бременем,  
суета — лютый враг.

Из всего, что ни просится, —  
лишь ничтожная часть  
на бумагу заносится.  
Остальному — пропасть.

Вот какая напасть!

---

## **В АВТОБУСЕ**

Черемуху увидя, он спросил:  
«Ты сколько, парень, ягод загубил?»

Хотя вопрос звучал едва ли строго,  
смутился я: «Не так-то уж и много...»

(А он, как будто век со мной знаком,  
отрекомендовался лесником).

«...Да дома-то поставь скорее в воду...»  
Но буркнул я, что знаю-де природу,

и погрузился мысленно в дела...  
На остановке женщина вошла

и с нею муж. С моим знакомцем рядом  
она присела. Их окинув взглядом, —

как если бы чего-то их лишил,  
он встал и место мужу уступил.

Для горожан он был, понятно, странен.  
Нет, явно это был не горожанин.

-----



Игла мелодию вела;  
сказать вернее, то была  
машина времени в работе:  
в воронку омота, шипя,  
затягивает диск тебя —  
в былые дни в конечном счете.

Но это — внешний только вид,  
он ни о чем не говорит;  
закрыв глаза, смотри иначе:  
там кто-то грустный и седой  
сидит, томясь своей бедой,  
и от других беды не прячет.

О, видно, видно, что горька  
его печаль, о чем рука  
спешит поведать стае клавиш:  
сквозная осень подошла,  
любовь былая умерла,  
и ничего тут не исправишь.

Звучит мелодия — и мне  
поет в вечерней тишине  
про сирый дом и сад раздетый...



...А в этом веке предо мной  
в осенней комнате пустой  
струится дым от сигареты...

---

## ЧАСЫ

Тот механизм занятным был, пожалуй,  
не без причины:  
кукушка в нем жила-существовала, —  
в часах старинных.

Как час пройдет — окошко нараспашку,  
и вмиг оттуда  
выпархивает махонькая пташка —  
ну прямо чудо.

И куковать на веточке садится...  
Раз... Два... Десяток...  
И вновь себя покажет мастерицей  
по части прятков.

Я слышал, как предсказывает годы  
кукушка в роще.  
Ее сестра — была иной породы,  
служила проще.

И впрямь, она жила ведь неживая  
в часах старинных,  
свой мертвый долг в машине исполняя  
вполне машинно.

Но в детстве это странным мне казалось  
и сродным с тайной  
(на утре дней и всякая-то малость  
необычайна).

Да и часы! В какой еще квартире  
такие были!  
(Теперь-то их, наверно, в целом мире  
уже забыли...)

Но самым странным кажется, пожалуй,  
что пташка-душка  
самой себе конца не предсказала...  
А ведь кукушка!..

---

## ДЕТАЛИ

Уж канувшие, кажется, на дно,  
от взгляда ускользнувшие детали  
потом, увы, не раз еще всплывали,  
и сокрушать нас было им дано.

И что причиной этому — темно,  
но так или иначе — в час печали  
мы горько и бессильно прозревали,  
что не прозрели вовремя... Смешно!..

Как будто в направлении обратном  
замедленная съемка поползла  
и то, что было вовсе непонятным,

и ясным и понятным подала;  
и сражены мы тем невероятным,  
что лента вероятным назвала.



## АВГУСТ

Ты спросила: «Там что за цветы?  
Не кувшинки?» Я молвил: «А что же?»  
Не летели с деревьев листья,  
но купаться уж было негоже.

Ты сказала: «Мы долго сюда  
не ходили, и я вспоминаю:  
здесь была небольшая вода,  
а теперь — вон какая большая...»

Я ответил, что — слава труду! —  
где-то ниже воздвигли плотину,  
и вода уже в прошлом году  
скрыла ил, и камень, и тину.

Так, на время занявшись рекой,  
мы про осень пока замолчали...  
Но поднялся вдруг ветер какой,  
нагоняющий только печали.

И вокруг — и вблизи и вдали —  
осень реяла, нас укоряя:  
«Почему не в июле пришли,  
не явились — тем более — в мае?»

В наши души вошел непокой,  
и светило за тучею скрылось  
(да и ветер поднялся такой! —  
нагоняющий только унылость).

Стало ясно: большая вода  
холодна (безвозвратно, как видно),  
стало ясно, что поздно сюда  
мы явились, и стало нам стыдно,

что прошляпили мы и весну,  
что и лето свое проморгали,  
что встречаем лишь осень одну,  
приносящую только печали...

---

\* \* \*

Время есть еще все переправить,  
переставить и переиграть,  
и течение событий заставить  
поворот наилучший принять.

Время есть еще переиначить,  
переделать и перекроить,  
и решить основную задачу:  
быть — иль досками окна забить.

Время есть еще: если в оконце  
долго видишь одни облака —  
можно ждать, что проглянет и солнце,  
стоит им расступиться слегка.

---

## ТА СЛУЧАЙНАЯ ПЕСНЯ

...И было ль что-то в песне той,  
иль к ней мое вниманье  
влекло неведомой тропой  
лишь только обаянье  
иль наваждение, что столь  
в те дни владело мною,  
что как на рану сыпать соль —  
так было и с душою?  
И слов-то я совсем не знал,  
но вот мотив на диво  
каким-то нервом совпадал  
с моим — слепым — мотивом.  
Теперь уж песня та стара,  
ей не звучать в итоге.  
Прошло то лето — та пора  
безумья и тревоги.  
И не узнал я слов ее.  
Они тем неизвестней,  
что чувство — это забытье —  
прошло случайной песней.  
Душа обычно не кричит.  
Она уж откричала.  
Но только вспомню — вновь звучит,  
что и тогда звучало!



\* \* \*

*Александрю Романову*

Полоса невезения, что ли,  
в сочетаньи с дождем за окном  
столь влияют на силу и волю  
и повинны в настрое моем?

В сочетании с сетью тумана  
и тоскливою дымкою-мглой  
это вовсе не выглядит странным —  
это правдою выглядит злой.

И хоть местом становится общим,  
но друзей поредели ряды,  
а уж если на это мы ропщем —  
значит, мы далеко не тверды.

По контрасту припомнится юность:  
праздник белых ночей у реки,  
гостьбы, солнце, и теплая лунность,  
и приятелей наших полки.

Сил непóчатых кроются клады  
и в кровинке и в мышце любой,

бьет ключом непомерная радость,  
где он, страх пред бедой и судьбой!.,

...Позабывши былые затеи,  
ныне каждый в своей скорлупе,  
неужели мы стали мудрее  
(обращаюсь к друзьям и к себе)?

Нет. А силы стремительно тают —  
не хватает уж летних лучей:  
от судьбы нам все больше влетает  
за безумия белых ночей.

Как бы, духом воспрянув, отбросить  
прикипевшую к сердцу хандру,  
взять за горло разлучницу осень,  
что уже прибрела ко двору?

Чтоб ушла, чтобы тошно ей стало,  
чтоб отстала, хитра и мудра;  
чтобы юность еще постояла  
у видавшего виды двора!

---

## **МГНОВЕНИЕ**

Порой в минутном обольщеньи,  
полуслепой,  
хочу остановить мгновенье:  
«Мгновенье, стой!»

Коварной женщине прекрасной  
как раз под стать,  
оно как будто бы согласно  
и постоять.

Но вдруг опомнясь, передумав,  
представя вдруг,  
что ведь — нельзя, что будет шуму,  
что недосуг,

оно спешит, оно стремится  
за тот предел,  
где уж ему остановиться  
бог не велел.

Не остается, не осталось  
на рубеже.  
Уже ушло, уже умчалось.  
(Уже-уже!..)

\* \* \*

Вот говорится: жизнь прожить  
должны мы этак, а не так-то,  
чтоб, дескать, после не тужить  
из-за прискорбных неких фактов.

Но жизнь рецептам и рацеям  
не подчиняется, о нет;  
и полно — есть ли панацея  
от зол, напастей и от бед?

Порой томясь промашкой нашей,  
как бы самой судьбе назло,  
сидим мы с вызовом за чашей.  
А неужель с нее везло?

Нет, никому (причем нимало!)  
спокон веков, спокон времен  
она еще не помогала.  
Урон. Один сплошной урон.

Покуда смысла не откроем,  
пока значенья не найдем,—  
едва ли многого мы стоим,  
едва ль не без толку живем.

## СКРЫТАЯ КАМЕРА

Просыпаюсь ли черной ночью,  
спохвачусь ли средь бела дня —  
все мне кажется: кто-то хочет  
скрытой камерой снять меня.

Эту камеру в грудь наставив,  
прямо в душу нацелив ее,  
кто такой, почему он вправе  
снять на ленту мое бытие?

Я, конечно, не верю в бредни,  
ибо время для них прошло;  
но в какой-то миг предпоследний  
чую: наведено жерло.

Где-то скрытым — слепящим — светом  
то не совесть ли мне грозит?..  
Кто не знает — пускай об этом  
ничего и не говорит!

---

## ДОМ БЫЛОГО

И потолки там выше,  
и воздух здоровей,  
и кот сидит на крыше,  
и всё как у людей.

По улочке машины  
не мчатся, как в бреду;  
и духом тополиным,  
черемушным, крушинным  
все полнится в саду  
старинном;  
и сад — он весь в цвету,  
и мать сидит в саду —  
ждет сына...

Не ты ль всего основа?  
Всей жизни свет — не ты ль?  
Заменит ли обнова  
забытого былого  
несбыточную быль?  
Ни слова...

---

\* \* \*

Так выбьешься порой из колеи,  
что в путь тебя никто не провожает,  
и сердце так мятется, так сгорает  
желаньем дружбы, верности, любви.

Так веселит «веселое» вино,  
что лучше бы иссякла эта сила:  
лишь градус одиночества взвинтило  
и душу только выстудит оно.

Чем дальше — жизнь все более права,  
острее озабоченности жало:  
еще на тропках юности увяла,  
уже давно завяла трын-трава.

---

\* \* \*

Не я ли говорил ему,  
что он себя, конечно, губит,  
что сук он под собою рубит,  
что он во тьму идет! Во тьму!

Не я ли убеждал его  
собраться с силами, взбодриться,  
жениться, в общем — возродиться!  
(Раз плюнуть, только и всего!)

Не я ли с жаром рисовал  
и чистоту в квартире жуткой,  
и смыслом занятые сутки,  
и обретенный идеал!

И, говоря, надел пальто,  
его все время убеждая,  
его на этот путь склоняя...  
Но сам-то верил ли я в то?

Стояла осень... Проливная!..

---



## ТЕЛЕФОНИ

Кто-то о моем существовании  
телефонно хочет разузнать:  
наберет мой номер — и в молчании  
слушает, стараясь не дышать.

Я — по правде — каждый раз теряюсь:  
друг ли это — думаю — иль враг;  
и узнать его ой как пытаюсь,  
зная: не узнать его никак.

Смутный плащ, обличье анонима,  
из-за сети мглы, лицом к стене,  
за стеклом в слезах, почти незримый,  
ты зачем терзаешь сердце мне?

Если враг — давай без провокаций:  
маску — прочь и шпагу обнажай!  
Если друг — на что тебе скрываться:  
объявись, приди иль приезжай!..

...Впрочем, рад, что в памяти храните.  
Коли так — не рвите эту нить:  
изредка, хоть молча, но звоните —  
в мир иной уже не позвонить.

\* \* \*

Уйти бы мне от прописей невинных,  
от вечных гамм, умело сочиненных,  
от содержащих столько смысла песен  
с волнительным подвывом «ля-ля-ля»...

Уйти бы мне, чтоб где-то разобраться,  
куда же уведет нас косность слова  
и чувства зарифмованность, и штампы  
стереотипно вымученных фраз...

Уйти бы мне от штатной этой прозы,  
заправленной в размеренные ритмы,  
от бесконечной жути стертых истин...  
Вон: дождь — без рифм и жизнь —  
давно без рифм.

---

## ВРЕМЕНА ГОДА

Что рассказать о северной весне?  
В ее воде купается кораблик,  
и мальчуган стоит над ним, мечтая  
(и в мыслях — море, парус и корабль).

А что о лете северном сказать?  
В его силке коварном бьется птица,  
с тоской смотря на буйство мхов и трав  
и ржавчину валежника лесного.

А чем богата северная осень?  
Ее лесов костры нам греют душу,  
а лист осины, павший на стерню,—  
как блюдечко с прозрачною водою.

А о зиме могу сказать одно:  
ее лицо бичует жгучий ветер,  
ей — зверем — снег бросается в лицо,  
но как оно зардеет, раздумываясь,  
когда встает застенчивое солнце...

---

## НОВОГОДНЕЕ

Эти галки на стилом проселке  
и на крышах в седых деревьях,  
эти гулкие ломкие елки  
при дороге в заснувших лесах...

Этот дым над бревенчатым домом,  
заметненным почти до бровей,  
по равнинам, родным и знакомым,  
этот бег одноконных саней...

Слышь — скрипят эти древние дровни  
от деревни к деревне, как встарь...  
То Россией, родимой и кровной,  
Новый год проезжает, январь...

---

\* \* \*

Какая тишь после метели!  
...Как будто впрямь осатанели —  
ревели ветер, вьюга, тьма...  
Но вдруг — осипли, отупели...  
И вот — зима.

Вновь явлен свет... О, к ночи светом  
стал пухлый снег, и он при этом  
согреть не только землю смог:  
и сердце, сердце им согрето —  
таков итог!

Какая радость в этой зимке!  
И елка в парке, как на снимке,  
сверкает кружевом огней,  
и мы, любуясь по старинке,  
подходим к ней.

Зимы мелодия немая,  
нежданно-нежным наплывая  
и детства зыбкой белизной,  
и ослепит, и обласкает  
своей красой...

## ЗИМНЯЯ ДОРОГА

*Василию Белову*

Все потонуло в мглистой дымке,  
дома скрывает полутьма.  
Ты снова в шапке-невидимке,  
опять пришедшая зима.

Река теряется в заносах;  
закрыта облаком, луна,  
и та — как будто под вопросом,  
на грани призрачного сна.

А где граница рощи с полем?  
(О, маскировочный халат,  
облекший их по чьей-то воле  
от головы до самых пят!).

До лампочки шоферу это —  
нас поспешает он ссадить,  
сказав резонно, что не лето,  
с шоссе ему не своротить.

К тому ж, мол, стало и пуржиты!

И — здравствуй, глушь под стать медведям!  
И всю-то ночь мы им под стать  
за столько верст добро бы едем —  
бредем, теплом едва не бредя,  
заутра киселя хлебать.

Вокруг — матерый вой метели,  
кругом — слепящий свист пурги.  
И блазнит: что там — то ли ели,  
а то ли воры, то ль враги?

Но даже если ты приметил,  
что это лес,— подкатит страх,  
что и на сумрачном рассвете  
ты будешь в тех же трех соснах.

Ни дать ни взять — с зимой морока,  
и лишь махровый наш мороз —  
один, без страха и упрёка —  
реальней выжатых им слез...

---

\* \* \*

До снегирей ли нам сейчас?  
Нам дело до зимы:  
старуха бьет не в бровь, а в глаз,  
и это чуем мы.

А снегири — вприпрыжку скок,  
скок на своих двоих;  
и этот холд-холодок,  
для них — отнюдь не лих.

Но отчего не в глаз, а в бровь  
бьет стужа снегирей?  
Или по кругу тела кровь  
летит у них быстрее?

Иль жизненный заряд у птах  
за счет того высок,  
что меньше плоти в их тельцах,  
короче жизни срок?

Одетый в ткань, одетый в мех,  
от холода дрожу,  
умом за много тысяч вех  
в даль времени гляжу...



Ну что ж, что холод подошел,—  
я с ним в борьбу вступил  
с тех пор, как разума глагол  
мне душу пробудил.

С тех пор иду, иду вперед,  
и на душе светло.  
Пусть мысль, работая, берет  
из недр моих тепло.

И пусть от стужи я трясусь,  
пусть, птахи, я дрожу,—  
быть может, солнцем озарюсь,  
что сам сооружу.

И вам тепла и света дам —  
согреть жите-бытье.  
И не завидую я вам:  
ведь каждому — свое.

---

## **МУСЬКА**

Тихо, совсем не мурлыча,  
медленно, скромно, сторожко  
ходит ко мне домовничать  
смирная серая кошка.

Что так? Добравшись до корня,  
я о ней кое-что знаю:  
дома едва ли накормят,  
а на мороз выгоняют.

Я — не из этого круга:  
кровом делюсь и уютом,  
и, накормив точно друга,  
в холод не выгоню лютый.

Знает она иль не знает,  
что, несмотря на типичность,  
разные люди бывают,  
даже и кошки различны.

Видел я сфинксов комодных,  
холеных, жирных и плотных,  
впрямь с тунейдцами сходных  
декоративных животных:

дымчаты, рыже-воздушны,  
смотрят с комода, с подушки...  
Так, равнодушно-бездушны,  
рядом лежат безделушки...

Жизнь без заботы — бездумна,  
мыслям уж тут — до полета ль?  
Даже и кошку разумной  
делает только забота.

---

\* \* \*

Худа житуха у пичуги,  
когда всеильная Зима  
заставит вить ветра и вьюги  
и воцарится в мире тьма.

Тогда не петь уж голосистой —  
уж как бы плакать не пришлось,  
коль кулаком своим костистым  
сам пригрозит седой Мороз.

Под снегом зерна, мушки, слизи...  
Беда! Бескормица грядет.  
Но, крепко связанная с жизнью,  
пичуга вряд ли пропадет.

И только лишь снега осветит,  
в наш сонный край придя, Весна —  
пичуга песней солнце встретит,  
великой радости полна.

Под эту песнь в моей отчизне  
воскреснет все, что может жить,  
и ни большой, ни малой жизни  
веки в ней не погасить!

## **ПРОВОДЫ ЗИМЫ**

(Над смутным городом — весна?)  
Всю зиму не было зимы:  
лишь месяцами — пелена  
из мглы, да копоты, да тьмы.

Но наконец и календарь  
нам провожать ее велит,  
и эту дату, как и встарь,  
народ отметить норовит.

И для тебя и для меня  
обычай дедовский знаком:  
и хмель играет в лике дня,  
и кровь ликует с молоком.

А в парке — истинный музей,  
что хочешь — то и пожелай:  
и тройкой тешат здесь гостей,  
и самоварный дарят чай.

И бренькаются бубенцы  
под расписной крутой дугой,  
как будто бы летят гонцы  
с какой-то вестию благой.

И ты всего изведай всласть,  
покуда день горит светло:  
лишь тень на двор тихонько шасть —  
где блеск, румянец, где тепло?

И смех, и грех, и кутерьма  
смолкают... реже... не слышны...  
И снова — мгла, и снова — тьма,  
и вновь ни дать ни взять — зима...

. . . . .  
Но что кручинишься, кума?  
Ведь ждать-то все-таки — весны!

---

## **ЗИМУЮЩИЕ ПТИЦЫ**

Птицы разные бывают.  
Почему одни, мой друг,  
в сентябре не улетают  
на спящий солнцем юг?

Почему не улетают,  
не прогонишь их никак,  
и зимою прозябают,  
существов натошак?..

Был у них  
(я полагаю)  
в старину один вожак.

Климат в те года менялся,  
наступали холода,  
а вожак-то не решался  
с места сняться никуда.

Он, как видно, опасался  
бороздить крылом лазурь,  
не решился, убоился  
расстоянья, ветра, бурь.

И весь род  
сидеть остался  
в стынь и в стужу,  
в хмарь и в хмурь.

А потом ошибку эту,  
не подумав головой,  
возвели в закон:  
за летом —  
ни крылом и ни ногой!

Это детям завещали,  
дети — внукам;  
а потом  
ни о чем не вспоминали,  
не заботясь ни о чем...

---



\* \* \*

Что-то изменился нынче климат —  
прежний был ядренее и злей;  
как зима, бывало, мир обнимет —  
душит птиц, нередко и зверей.

Коль весна — светило полыхает  
так, что аж до боли режет глаз —  
снег счищают с крыш, сосульки тают,  
и капель запела-залилась.

Если лето — теплым ливням литься,  
и в награду людям за труды  
шало зацветет, заколосится  
вся земля и буйно даст плоды.

Осень — так природа увядает,  
отрешась от жизни, чуть дыша,  
будто впрямь от тела отлетает  
некая бессмертная душа...

Нет уже того, скажи на милость.  
Контур — мягче. Резкость — не всерьез.  
В зиму словно бы весна вселилась,  
лето с осенью переплелось.

К худу ли, к добру такое чудо?  
Другу ль это на руку, врагу?  
Ни к добру, наверно, и ни к худу —  
просто я привыкнуть не могу.

## АКВАРЕЛЬ

О, прозрачная зелень —  
одеяние раннего мая...  
Вновь повсюду расстелен,  
землю нежный ковер покрывает.

О, прельстительный ветер,  
обольстительность юной погоды...  
Вновь на чистом рассвете  
розоватые свежие воды.

Светлый облак в лазури  
пролетает и медленно тает...  
И ненастьем и бурей  
он уже никого не пугает...

---

\* \* \*

Старый друг! Привези мне вина —  
самолучшего южного солнца,  
чтобы чарка — с краями полна —  
золотилась до самого донца.

Я хочу, говоря без прикрас,  
запастись пламенеющим зноем;  
пусть и самое лето у нас —  
мы в крови этот полдень удвоим.

Снова будут ненастные дни  
и холодные долгие ночи,  
и — уж как повелось искони —  
будет жизнь все короче, короче.

Вот и вспомним тогда этот час,  
силу в гроздьях сокрытого жара...  
Привези мне вина про запас,  
друг мой верный, единственный, старый!

---

\* \* \*

...А в смертный час душа возьмет  
с собою то, что в ней навечно:  
зной, золотистый словно мед,  
лелеемую солнцем речку,  
почти бестрепетную гладь,  
купавы и покой ленивый;  
и в самый полдень — благодать —  
как в мареве луга и нивы;  
и ветра млеющий напев —  
мотив испетый-перепетый,  
и шум прибрежных дерев,  
и краткий-краткий запах лета...

---

## ДРУГУ

Авось еще и мы найдем слова  
естественные, как сама листва,  
что одухотворяет деревья  
в прелестной нерастраченности мая;  
и пусть мы их отыщем не весной,  
пусть даже отойдет июльский зной,  
пусть осенью, сквозящей и сквозной,  
но мы найдем их,— я-то понимаю.

Авось и обретем права на речь,  
способную не только что развлечь —  
хандру пресечь, из злой петли извлечь  
и ободрить скорбящего на тризне.  
А чем же мы заплатим за слова,  
естественные, как сама листва,  
что в мае одевает деревья? —  
А всей, быть может, прожитою жизнью.

---

\* \* \*

Песня пета и запета,  
с ней уже и не легко.  
Доживем ли мы до лета?  
Далеко, ой, далеко!

Только пуще, чем одежда,  
шапки, шубы и унты,  
согревает нас надежда.  
С нею надо быть на «ты».

С нею — надо, чтобы пелось,  
не запелось, а зажглось!  
Чтоб на все явилась смелость  
и до лета дожилось!

---

## СОДЕРЖАНИЕ

«Сад теряет листву и находит...» . . .	3
«Сегодня, завтра, вновь, опять...» . . .	4
«Уже пробуждается местность...» . . .	5
Озеро . . . . .	6
Дерево . . . . .	8
«Мне и впрямь уготовано диво...» . . .	9
Старые дома . . . . .	10
«Вот здесь архитектура в три окна...» . . .	12
Ночной дождь . . . . .	13
Грибной год . . . . .	14
«Ничего не умеют деревья...» . . . . .	16
Бабье лето . . . . .	18
«Начинался сентябрь. От него...» . . . . .	19
«В начале сентября листва...» . . . . .	20
«Есть что-то от далекого былого...» . . . . .	21
«Опять идет Россией осень...» . . . . .	22
К портрету . . . . .	23
Михайловское. 1826 . . . . .	24
«Плыла над Михайловским осень...» . . . . .	26
Родной язык . . . . .	28
Памяти Николая Рубцова . . . . .	29
«Вновь лазурь залила оком...» . . . . .	31
«Пристально просматривая время...» . . . . .	33
«Устарела, конечно же, рифма...» . . . . .	34

«И пасторали <del>ч</del> старели...» . . . . .	35
Жан Марэ . . . . .	36
«Темы в воздухе носятся...» . . . . .	37
В автобусе . . . . .	38
«Игла мелодию вела...» . . . . .	39
Часы . . . . .	41
Детали . . . . .	43
Август . . . . .	44
«Время есть еще все переправить...» . . . . .	46
Та случайная песня . . . . .	47
«Полоса невезения, что ли...» . . . . .	48
Мгновение . . . . .	50
«Вот говорится: жизнь прожить...» . . . . .	51
Скрытая камера . . . . .	52
Дом бывшего . . . . .	53
«Так выбьешься порой из колеи...» . . . . .	54
«Не я ли говорил ему...» . . . . .	55
Телефон! . . . . .	56
«Уйти бы мне от прописей невинных...» . . . . .	57
Времена года . . . . .	58
Новогоднее . . . . .	59
«Какая тишь после метели!..» . . . . .	60
Зимняя дорога . . . . .	61
«До снегирей ли нам сейчас...» . . . . .	63
Муська . . . . .	65
«Худа житуха у пичуги...» . . . . .	67
Проводы зимы . . . . .	68
Зимующие птицы . . . . .	70
«Что-то изменился нынче климат...» . . . . .	72
Акварель . . . . .	73
«Старый друг! Привези мне вина...» . . . . .	74
«...А в смертный час душа возьмет...» . . . . .	75
Другу . . . . .	76
«Песня пета и запета...» . . . . .	77



**Чулков Борис Александрович**  
**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕТА**

**Редактор А. А. Романов**  
**Оформление Г. Н. Бурмагиной**  
**Художественный редактор В. С. Вежливцев**  
**Технический редактор С. И. Соколова**  
**Корректор А. А. Фонтейнес**

\*

Сдано в набор 28/X 1976 г.  
Подписано к печати 19/I 1977 г.  
Форм. бум. 70×90/32 (бум. гип. № 3).  
Физ. печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,92.  
Уч.-изд. л. 1,915. ГЕ04028. Тираж 5000.  
Цена 19 коп. Заказ 6946.

19 коп.

